DOI 10.24412/2658-5960-2022-35-34-58
УДК 902/904(571.65/.66)"634"

Александр Александрович Орехов[1]
nothernland@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТА ВЕРХНЕЙ КОЛЫМЫ, ЧУКОТКИ И КАМЧАТКИ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Статья представляет собой опыт сравнительного анализа комплексов и культур раннего и позднего неолита Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки. Это вариант определённого комплексного анализа развития каменной индустрии, эколого-экономических систем, образа жизни, элементов развития социума и мировоззрения на основе имеющихся в настоящее время данных. Определяются возможные хронологические этапы, а также характерные черты раннего и позднего неолита. В статье уделяется внимание вопросам и проблемам новаций, инноваций, трансформаций, культурных трансляций в эпоху раннего и позднего неолита, а также в процессе перехода от одного периода исторического развития к другому. В соответствии с этапами исторического развития предлагаются варианты формирования эколого-экономических систем (континентальной и приморской) в экстремальных условиях Севера. Рассматривается вопрос взаимодействия и взаимовлияния технико-типологических традиций комплексов и археологических культур Верхней Колымы, Чукотки и Камчатки, а также сопредельных территорий Якутии и Аляски.
Ключевые слова: Верхняя Колыма, Чукотка, Камчатка, ранний неолит, поздний неолит, инновации.

Alexander A. Orekhov[1]
nothernland@mail.ru

THE NEOLITHIC PROBLEMS OF THE UPPER KOLYMA, CHUKOTKA AND KAMCHATKA (EXPERIMENT OF COMPARATIVE ANALYSIS)

Article contains the experiment of comparative analysis the complexes and cultures of the Early and Late Neolithic of the Upper Kolyma, Chukotka and Kamchatka. This is variant the complex analysis the development the stone industry, ecology-economic systems, way of life, elements the development of society. It's define the possible of chronological phase, typical elements of the Early and Late Neolithic of the regional. The article gives the matter the questions and problems of novation's, innovations, transformations, the cultural transmission in the development Early and Late Neolithic process and crossing from the one period historical development to another. In correspond with these periods of the historical development to project the variants of form ecology-economic systems (continental and maritime) in the North extremely conditions. Talk

[1] Магаданский областной краеведческий музей, Магадан, Россия.
Magadan Regional Museum of Local Lore, Magadan, Russia.

about questions of the interrelation the stone industry traditions complexes and archaeological cultures of the Upper Kolyma, Chukotka and Kamchatka and contiguous territory of Yakutia and Alaska.
Keywords: Upper Kolyma, Chukotka, Kamchatka, Early Neolithic, Late Neolithic, innovations.

Сложнейшими и актуальными проблемами в теоретическом и практическом отношении являются проблемы неолита: выделение и изучение перехода от палеолита к неолиту, выявление специфики раннего неолита, позднего неолита, их критериев, характерных черт, периодов развития. В аналитике данных комплексов вполне справедливо предлагается использовать сравнение технико-типологическое, эколого-экономическое, поселенческое, социальное, мировоззренческое — насколько это возможно. В динамике развития важно выделять новации и инновации (экзогенные и эндогенные) (Василевский 2000, 2008). Концепция неолита Дальнего Востока (как и терминология) нуждается в уточнении.

В условиях дифференциации и локализации развития технологий и культур единая чёткая хронология этапов развития неолита довольно условна, поскольку одинаковые процессы не всегда протекают одновременно. Вместе с тем с кардинальным пересмотром периодизации регионального неолита, предложенной предшественниками (Диков 1979, 1993; Мочанов 1977), некоторыми авторами, когда финальный палеолит переносят в переходный период, а финальный неолит — в эпоху палеометалла (Понкратова 2020), вряд ли можно согласиться. Н.Н. Диков вполне обоснованно для комплексов неолитического облика эпохи палеометалла предложил термин «пережиточный неолит». И тут встаёт проблема определения характерных черт и критериев перехода от эпохи к эпохе и этапов развития. Некоторые авторы не обращают внимания на основные закономерности исторического процесса, изменяя соотношение общего и частного.

Проблемой является то, насколько и всегда ли единичные аналогии находок свидетельствуют о культурных связях и взаимодействии. Ряд исследователей справедливо отмечают здесь возможность эндогенных инноваций. Видимо, следует учитывать также вероятность конвергентного развития. Не всегда является достаточным технологический и статистический анализ. Часто авторы ограничиваются комплексным анализом каменной и костяной индустрии, редко уделяя внимание поселенческой тактике и стратегии, динамике и тенденциям развития экономики, изменению социума.

Следует отметить и недостаток информации: неизученность обширных районов обусловливает гипотетичность многих предположений, неточность периодизации, характера и результатов культурной диффузии, трансляций и миграций в условиях локализации. Анализ новых материалов, а также более глубокое изучение уже известных будут способствовать продвижению в решении проблем неолита.

Данная статья представляет некоторые размышления в рамках указанных проблем неолита региона. Думается, обсуждение, а также конструктивные предложения коллег определят успех исследований.

На севере Дальнего Востока в неолите формируются характерные черты материальной и духовной культуры автохтонов (Василевский 2000, 2008; Диков 1979, 1993; Дикова 1983; Пономаренко 2014; Мочанов 1977; Орехов 2001, 2021).

Отдалённость от передовых центров технико-технологического и экономического развития, а также экстремальные условия Арктики и Субарктики определили отличие неолита северо-востока Азии, датируемого приблизительно 7 тыс. л.н. — 3 тыс. л.н. (от окончания переходного периода и до начала эпохи палеометалла). Маркером завершения палеолита в регионе традиционно считается исчезновение клиновидных нуклеусов около 10 тыс. л.н. (Диков 1979, 1993; Мочанов 1977). Между финальным палеолитом и ранним неолитом выделяется переходный период около 10—7 тыс. л.н. Комплексы переходного периода, голоценовый (Мочанов 1977), или реликтовый (Диков 1979, 1993) палеолит, характеризуются сохранением традиций галечной индустрии, массивными оббитыми рубиловидными орудиями (сумнагинская культура Якутии и сибердиковская с чопперами культура Верхней Колымы), преобладанием орудий из пластин.

Керамика появляется на северо-востоке Азии около 5 тыс. л.н. Ранний неолит является бескерамическим, что не исключает возможности существования более раннего гончарного производства с учётом времени его появления в Китае и Приамурье. В раннем неолите (7—5 тыс. л.н.) отсутствуют грубые галечные рубящие орудия и тёсла, характерные для переходного периода (сибердиковская и сумнагинская культуры), наблюдается миниатюризация орудий (что, возможно, объясняется мобильным образом жизни).

Ранний неолит Чукотки, Камчатки и Верхней Колымы изучен слабо и фрагментарно, дальнейшие исследования дополнят и скорректируют общую картину развития региона в неолите.

Ранненеолитические памятники Чукотки показывают зону контакта с сумнагинской культурой и её влияние. Известны ранненеолитические стоянки открытого типа в среднем течении р. Амугуэма, на оз. Красном, Эльгытытгын, Иони и Тытыль, на сопке возле с. Усть-Белая. Технико-типологически к ним следует отнести комплексы стоянок Найван (Гусев 2002), Курупка, Итхат, Ткачен, Науречье и Аччен Чукотского п-ва (Диков 1993). Материалы этих памятников подъёмные и отнесены к раннему неолиту на основании технико-типологического анализа.

В среднем течении р. Амгуэма стоянки представлены на мерзлотных холмах и первых речных террасах. На стоянках 100-го и 102-го км Иультинской трассы представлены кремневые конические нуклеусы (рис. 1: *22*) и наконечники стрел ромбовидного (рис. 1: *24*) и линзовидного сечения (рис. 1: *23*), ножевидные пластины (рис. 1: *21*), вкладыши и резцы из пластин (Диков 1977, 1979; Орехов, Панов 1986). На стоянках Тытыль I, II, III (оз. Тытыль, Западная Чукотка) обнаружены конические (рис. 1: *17*)

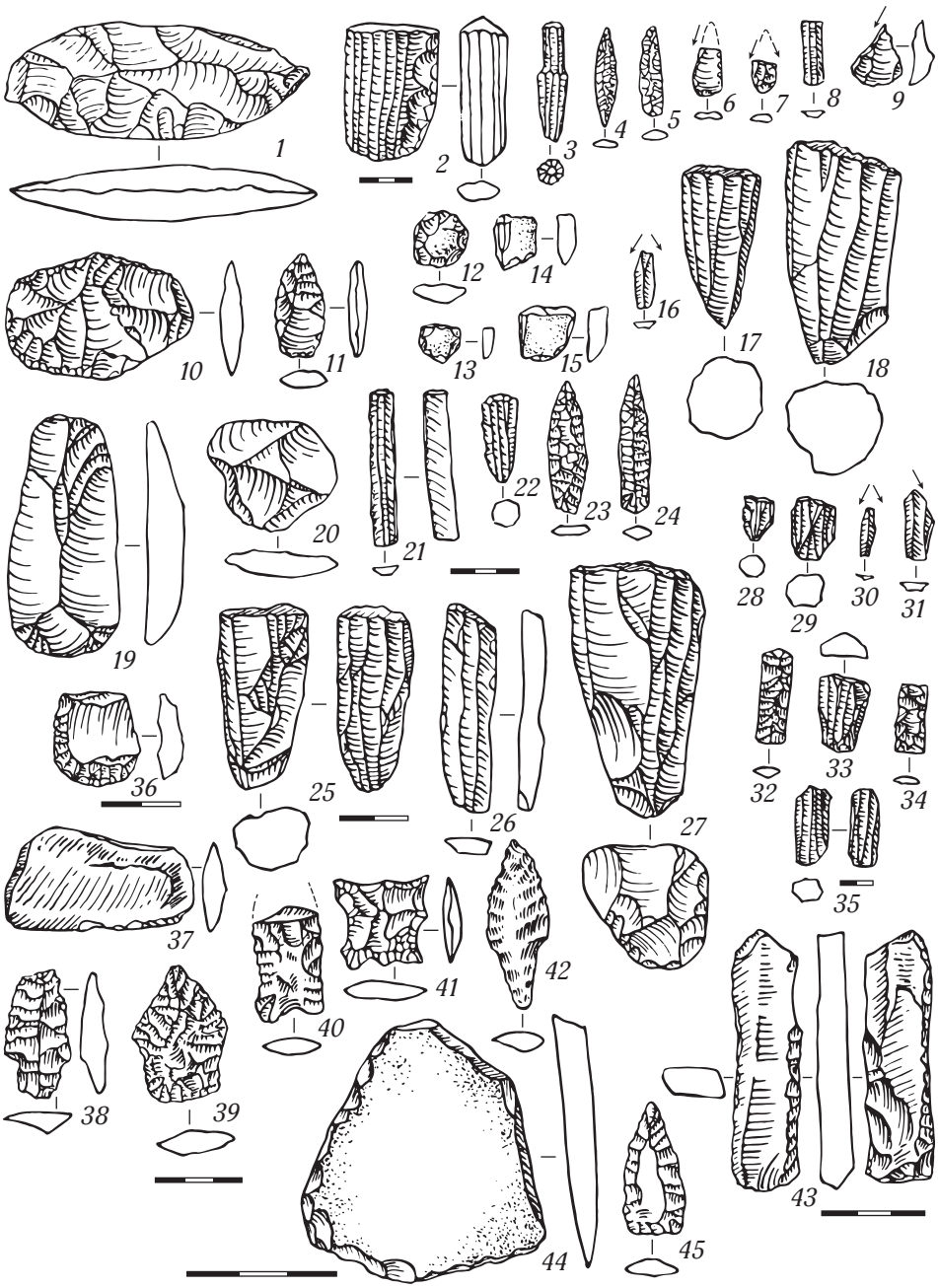


Рис. 1. Комплекс орудий и изделий, характерный для раннего неолита Чукотки: *1*, *10*, *20* — ножи; *2*, *3*, *17*, *18*, *22*, *25*, *27—29*, *33*, *35* — нуклеусы; *4*, *5*, *11*, *23*, *24*, *38—40*, *42*, *45* — наконечники стрел; *6*, *7*, *9*, *16*, *30*, *31* — резцы; *8*, *21*, *26*, *43* — пластины; *12*, *13*, *36*, *44* — скребки; *14*, *15* — пренуклеусы; *19* — тесло-скребок; *32*, *34* — вкладыши; *37* — нож; *41* — фигурный камень. Материалы: *1*, *2*, *3*, *5*, *9* — обсидиан; 12, 13 — чёрный яшмоид; *14*, *15* — кремень; остальные — кремнистый сланец. Места находок: *1—16* — оз. Красное I; *17—19* — оз. Тытыль III; *20—24* — Амгуэма 102-й км; *25—27*, *36—39*, *42*, *44* — оз. Иони; *28—35* — Усть-Белая; *40*, *41* — Чувайгытгын II; *43*, *45* — Науречье (по: Диков 1979, 1993; Кирьяк 1993; Орехов, 2001, 2021; Орехов, Панов 1986)

и призматические (рис. 1: *18*) нуклеусы, скребки из пластинчатых отщепов (рис. 1: *19*). Отмечаются сходные черты с сумнагинской и малтанской культурами (сочетание односторонне и двусторонне обработанных орудий, призматические и конические нуклеусы и грубые скребла) (Кирьяк 1993). На верхней стоянке Усть-Белая (в устье р. Белая, притока р. Анадырь) представлены конические (рис. 1: *28*) и призматические (рис. 1: *33*, *35*) нуклеусы, вкладыши (рис. 1: *32*, *34*), резцы из пластин (рис. 1: *30*, *31*), заострённые с двух концов наконечники, сходные с кремнёвыми наконечниками комплекса Денби (Аляска) (Диков 1979). На берегу оз. Эльгыгытгын геологами А.К. Саяпиным, И.А. Некрасовым и О.Ю. Глушковой на пути сезонных миграций диких оленей найдены тщательно ретушированные кремнёвые ножи и наконечники. Рядом расположена стоянка эпохи палеометалла. Орудия и отщепы находились вперемешку с мелкой галькой, что свидетельствует о неоднократном пребывании людей здесь в раннем неолите (Диков 1979). На берегу оз. Иони обнаружены массивные конические нуклеусы (рис. 1: *25*, *27*); ножевидные мезопластины (рис. 1: *26*); наконечники стрел — черешковые из пластин треугольного сечения (рис. 1: *38*), из отщепов линзовидного сечения (рис. 1: *39*), с боковыми выступами и заострённым черешком (рис. 1: *42*); концевые скребки из отщепов с краевой односторонней ретушью (рис. 1: *36*); боковые скребки с сохранением галечной корки и краевой односторонней ретушью рабочего края (рис. 1: *44*), два однофасеточных резца на отщепах (Диков 1993). Наличие в аналогичных комплексах Иони I овального ножа (подобные традиционно считаются женскими) из сланцевой пластины со шлифованным лезвием (рис. 1: *37*) и фрагмента керамики (Диков 1993: рис. 84) либо свидетельствует о смешанном характере комплекса, либо позволяет отнести его к позднему неолиту.

Ранний неолит западного побережья Берингова моря представлен рядом стоянок. На стоянке Найван на побережье Чукотского п-ва (около 8 тыс. л.н.) представлен комплекс аргиллитовых орудий: призматические нуклеусы, пластины, из них некоторые использовались в качестве ножей, скребков, резцов. Найден один скребок из обсидиана и дриль из халцедона (Гусев 2002). Остатки раковин мидий и кости рыб на стоянке свидетельствуют о начале использования морских биоресурсов. Интересны остатки наземного жилища диаметром 4 м с кольцевым очагом. Возраст стоянки соответствует переходному периоду, но по технико-типологическим характеристикам комплекс с уверенностью можно отнести к ранненеолитическому.

На Аляске в неолите получает развитие Северная архаичная традиция (6000—4200 л.н.), которая характеризуется коническими, призматическими и клиновидными нуклеусами, мезо- и микропластинами, черешковыми листовидными наконечниками стрел. На Чукотке этой традиции соответствуют (но без клиновидных нуклеусов и черешковых с «перехватом» наконечников) комплексы стоянок Путурак, Итхат I A, I B, I C, I E, Челькун IV, Аччен, Ткачен, р. Амгуэмы (Диков, 1993; Орехов, Орехов, Панов, 1986), а на Колыме — Сибердик, 2-й слой (Диков 1979).

На Чукотском полуострове к раннему неолиту можно отнести комплексы стоянок-мастерских на перевале Путурак (в 15 км от морского побережья), на берегу р. Итхат 1А, Аччен, Ткачен (около 6—7 тыс. л.н.). Их объединяют географическая близость, материал изготовления орудий (аргиллит) и технико-типологическая характеристика комплексов. С ними хорошо согласуется и комплекс стоянки Найван. Все стоянки открытого типа без стратиграфической привязки. Для данных комплексов характерны призматические (рис. 2: *1*, *2*, *4*, *5*), конические и пластинчатые нуклеусы (рис. 2: 3), мезо- и микропластины (рис. 2: *6*, *7*, *11*, *12*, *18*), овальные и усечённо-овальные скребки из пластин (преобладают); скребки и резцы из отщепов, ножи-бифасы (рис. 2: *30*, *31*), ножи. Отнесение этих комплексов к голоценовому палеолиту или раннему мезолиту (Диков 1993) спорно, так как их облик вполне раннеолитический, а характерные черты палеолита и мезолита отсутствуют. На стоянке Ткачен представлены своеобразные черешковые бифасиальные ножи (рис. 2: *32*). На стоянке Науречье среди многочисленных орудий и отщепов, соответствующих данному этапу развития, интересны мезопластины с односторонней ретушью (рис. 1: *43*) и небольшой наконечник стрелы из пластины с краевой ретушью, треугольной формы и линзовидного сечения (рис. 1: *45*). На стоянке Чувайгытгын обнаружены: фигурный камень (рис. 1: *41*) и фрагмент наконечника стрелы линзовидного сечения с необычным «хвостатым» основанием (рис. 1: *40*). Аналогичный найден на стоянке Кoолень IIВ (Диков 1993: рис. 100).

Здесь же фиксируются находки гладкостенной керамики с закрытым устьем (Чувайгытгын V, Кымянанонваам VI, Кoолень III, Ульхум, Курупка I—II (Диков 1993: рис. 64, 65, 81, 91, 101, 105, 109)), линейной с открытым устьем (Чувайгытгын IX, Науречье VI (Диков 1993: рис. 83)), ложнотекстильной (Кoолень IIВ, Науречье V (Диков 1993: рис. 176)), рубчатой (Кoолень IIВ, III (Диков 1993: рис. 100)), шнуровой (Ульхум (Диков 1993: рис. 109)), которые позволяют отнести их к позднему неолиту. Это подтверждает и присутствие в комплексах сланцевых шлифованных женских ножей (Диков 1993: рис. 69, 76, 79, 94, 101, 109).

Ранненеолитическая стоянка Инаськваам II (в устье правого берега притока р. Хатырка Анадырского района ЧАО, около 7 тыс. л.н.) (Диков 1977, 1979; Диков, Колясников 1979) находится в 60 км от морского побережья, расположена на 15-метровой водно-ледниковой террасе. Она характеризуется призматическими и коническими нуклеусами, микропластинами, пластинчатыми отщепами, скребками, ножом-скобелем из пластины, листовидными наконечниками стрел линзовидного сечения с прямым основанием. Н.Н. Диков, отмечая своеобразие одного нуклеуса, считал, что это свидетельствует либо о «деградации традиционной технологии клиновидных нуклеусов, либо об особом её развитии» (рис. 3: *42*) (Диков, Колясников 1979: 24). Петербургский археолог Е.Ю. Гиря, анализируя коллекцию с оз. Красного, определил аналогичный нуклеус как переходный тип от клиновидного к призматическому. В ходе дальнейших исследований нам удалось выделить серию подобных нуклеусов на трёх

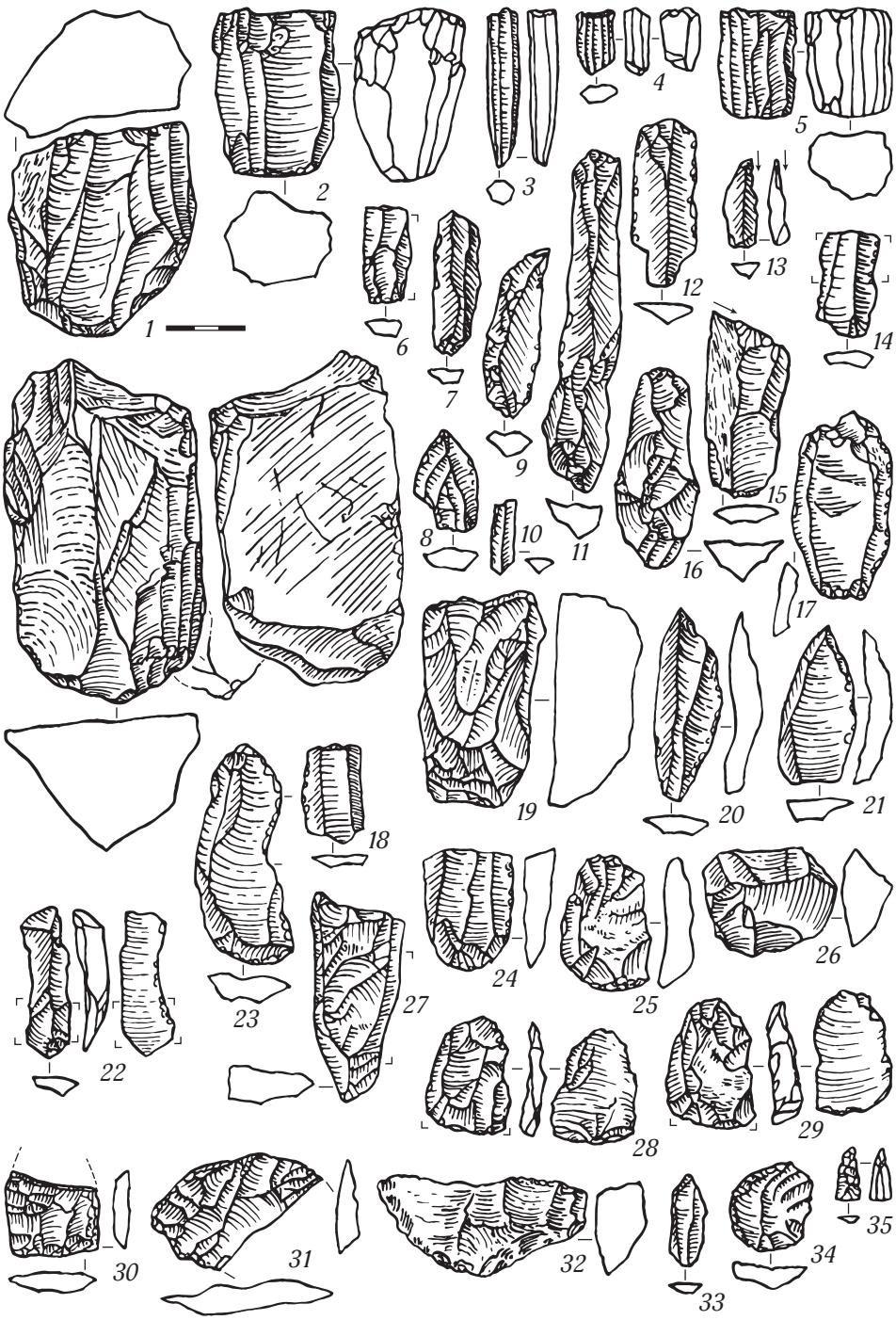


Рис. 2. Путуракская культура, поздний этап, ранний неолит: *1—5* — нуклеусы; *6—8*, *12*, *14*, *16—18*, *27*, *32* — ножи; *13*, *15* — резцы; *9*, *20*, *21*, *33* — ножи-резчики; *10*, *11*, *22*, *23* — ножи-скобели из пластин; *19*, *36* — рубящие орудия; *24—26*, *28*, *29*, *34* — скребки; *30*, *31* — ножи-бифасы; *35* — наконечник. Места находок: *1—29*, *36* — Путуракская; *30*, *31* — Итхат I В; *32*, *33* — Ткачен; *34*, *35* — Аччен. Все артефакты выполнены из филитизированного кремнистого сланца (по: Диков 1993)

памятниках Северо-Западного Берингоморья. Пока неясно, предшествуют они или сопутствуют призматическим и коническим нуклеусам. Нуклеусы переходного типа от клиновидного к призматическому представляют определённую проблему: для них пока отсутствует точная стратиграфическая привязка и датировки. Вместе с тем этот тип нуклеусов в настоящее время представлен довольно широко, в том числе и на Чукотском п-ве (Диков 1993).

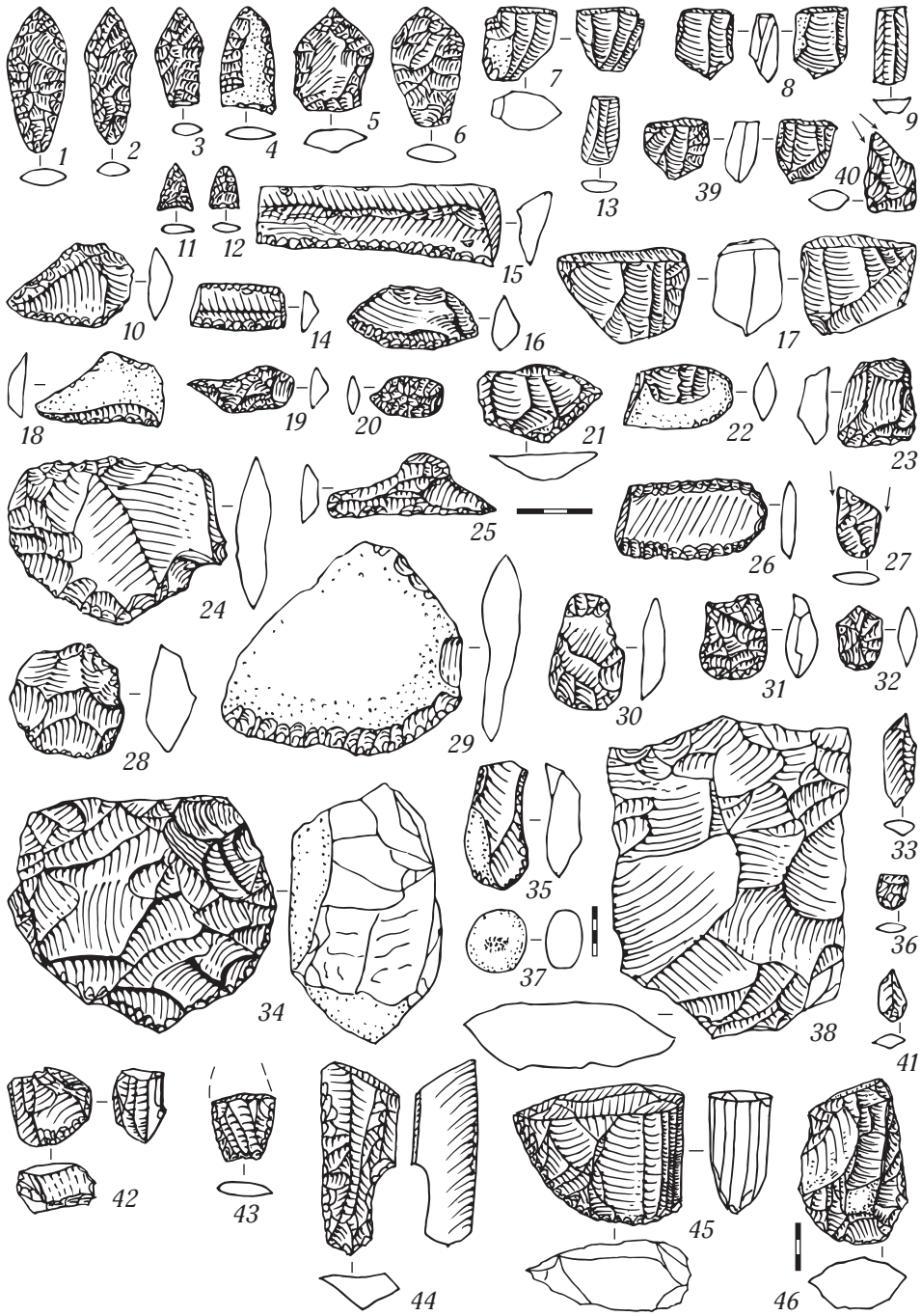
Здесь же найден фрагмент листовидного наконечника стрелы линзовидного сечения (рис. 3: *43*) и нож-скобель из пластины с односторонней ретушью (рис. 3: *44*). Сочетание односторонне и двусторонне обработанных орудий позволило Н.Н. Дикову предположить, что стоянка Инаськваам определяет северную границу соприкосновения сумнагинской и мальтанской традиций.

Ранненеолитические комплексы обнаружены на оз. Красном ледникового происхождения (Восточная Чукотка). Разнообразием биоресурсов, благоприятным климатом и обилием сырья для каменной индустрии оно всегда привлекало человека, аккумулируя следы его деятельности на протяжении тысячелетий. Здесь же зафиксирован и позднеплейстоценовый комплекс. Выделенный ранненеолитический комплекс (Диков 1977: 131—132) включает: микропластины (в том числе ножевидные) (рис. 1: *8*), призматические нуклеусы (рис. 1: *2*, *3*), широкие ножи-бифасы (рис. 1: *1*, *10*) (соотносятся с переходным периодом (голоценовым палеолитом)). Исследования были продолжены А.А. Ореховым (Орехов 2001, 2021): к раннему неолиту отнесены орудия на гальках, галечных сколах кремнистого сланца и чёрного яшмоида с корразией (эоловой или водной?) поверхности, а также ряд орудий и изделий из обсидиана.

Здесь же обнаружены орудия, характерные как для раннего неолита, так и для начального этапа позднего: пренуклеусы с сохранением галечной корки из кремня (рис. 1: *14*, *15*); ножи из отщепов с рабочим краем, оформленным односторонней краевой отжимной ретушью, также близкие сумнагинским; скребки и скрёбла — овальной и усечённо-овальной формы, изготовленные из галечных сколов чёрного яшмоида с галечной коркой (рис. 1: *12*, *13*). Поверхность их оформлена сколами, а овально-выпуклый рабочий край — односторонней отжимной ретушью. Обсидиановый нуклеус представляет переходный тип от клиновидного к призматическому (рис. 1: *2*). Сходные формы представлены в сумнагинской культуре (Мочанов 1977). С комплексом соотносится и призматический нуклеус из обсидиана (рис. 1: *3*). Резцы-резчики на отщепах с остриём, подработанным отжимной ретушью, с резцовым сколом (рис. 1: *9*) могли использоваться (по мнению приморского трасолога Н.А. Кононенко) для работы по кости. Встречаются резцы из поперечно расщеплённых отщепов, резцы из тонких отщепов (для работы по дереву?) (рис. 1: *6*, *7*) и пластин (рис. 1: *16*). Они отличны от резцов сумнагинской культуры. Своеобразны наконечники стрел на пластинах с краевой двухсторонней обработкой отжимной ретушью, с овально-выпуклым (рис. 1: *5*, *11*) или заострённым (рис. 1: *4*)

основаниями. Если использование пластин является традицией, то это технико-типологическое своеобразие близко сумнагинским традициям (Орехов 2001, 2021).

Стратиграфическая привязка данных артефактов сложна. Они, вероятно, оказались на берегу подножья второй речной террасы при образовании соединяющей оз. Красное и р. Анадырь протоки, размывшей первую,



а возможно, и часть второй речной террасы. Аналогии комплекса с сумнагинской культурой позволяют предварительно датировать его приблизительно 7—6 тыс. л.н., если соотнести с первой террасой. Комплекс, возможно, отмечает распространение сумнагинской традиции по Анадырской низменности с запада на восток к Берингову морю.

В верховьях Колымы ранний неолит представлен комплексом 2-го слоя стоянки Сибердик (6300±170 л.н. (Крил-248)). Она расположена на 14-метровой террасе правого берега ручья Малый Сибердик в его устье. Каменная индустрия представлена отбойниками из продолговатых галек, кремнёвыми коническими нуклеусами (рис. 4: *11*), кремнёвыми призматическими нуклеусами (рис. 4: *8*), нуклевидными изделиями (рис. 4: *7*), ножевидными пластинами (рис. 4: *10*), листовидными двусторонне ретушированными наконечниками стрел (рис. 4: *4*), концевыми односторонне ретушированными скребками из массивных пластинчатых отщепов (рис. 4: *12*), базальтовыми скрёблами, односторонне ретушированными ножами треугольной (рис. 4: *9*) и прямоугольной (рис. 4: *13*) формы, резцами из отщепов (рис. 4: *5*), плоской бусиной (рис. 4: *6*), обломками сланца, гранита и кварца (Диков 1977: 215; 1979: рис. 33). Единственный фрагмент тонкостенной «грубо вылепленной и слегка бороздчатой (шнуровой?) керамики» относится, вероятно, к 1-му поздненеолитическому слою. К нему относится также овальный нож из макропластины с односторонней краевой ретушью (рис. 4: *1*) и пластины (рис. 4: *2*, *3*) (Диков 1977, 1979).

К 3-му слою, скорее всего, относятся обнаруженные на склоне раскопа два чоппера. Такое их расположение, возможно, объясняется нарушением и смешением слоёв норами полярных сусликов.

Второй слой содержит следы большой стоянки с 30 кострищами и остатками углублённого жилого сооружения с длинным коридором (Диков 1977).

Северочукотская поздненеолитическая культура развивается на севере Чукотки около 5—3 тыс. л.н. и сходна с нижнеленской поздненеолитической культурой (Диков 1977, 1979). Ю.А. Мочанов и С.А. Арутюнов считают её локальным вариантом ымыяхтахской (восточный вариант?) культуры Якутии. Однако северочукотская культура имеет серьёзные

Рис. 3. Комплексы Северо-Западного Берингоморья (прелахтинская культура): *1—6*, *11*, *12*, *43* — наконечники стрел; *7*, *8*, *17*, *39*, *42*, *45* — нуклеусы; *9*, *13* — пластины; *10*, *15*, *16*, *18*, *21*, *22*, *24*, *26* — ножи; *14* — нож из пластины; *19* — нож-проколка; *20*, *32*, *36* — вкладыши; *23*, *46* — тёсла; *25* — нож-проколка-сверло; *27*, *40* — резцы; *28—31*, *35* — скребки; *33*, *41* — резчики; 34 — скребло; *37* — курант; *38* — рубиловидное орудие; *44* — резец-нож-скобель из пластины. Материалы: *1*, *2*, *5*, *10*, *13*, *16*, *21*, *24*, *28*, *33—35*, *37*, *38*, *40*, *41*, *46* — серый кремнистый сланец; *3*, *6*, *17* — серый кремень; *7*, *25*, *30* — красный кремень; *4*, *14*, *15*, *18*, *22*, *26*, *29* — светло-коричневый кремнистый сланец; *23* — андезито-базальт; *8*, *9*, *11*, *19*, *20*, *31*, *32*, *36*, *42*, *43* — обсидиан; *12*, *17*, *27*, *39* — коричневый кремень; *44* — жёлтый кремень; *45* — зелёный кремень. Места находок: *1—3*, *6—9*, *11—13*, *21*, *22*, *28—30*, *34—37*, *46* — Лахтина 1 (Беринговский аэропорт); *4*, *5*, *10*, *14*, *15*, *17*, *18*, *20*, *23—26*, *38* — Орианда I, II; *10*, *16*, *27*, *33*, *39—41* — Орианда I, 3-й слой; *19*, *23*, *31*, *32* — Орианда V; *42—44* — Инаськваам II (приток р. Хатырки); *45* — Аринай I (лагуна Аринай) (по: Диков, Колясников 1979; Орехов, 2021)

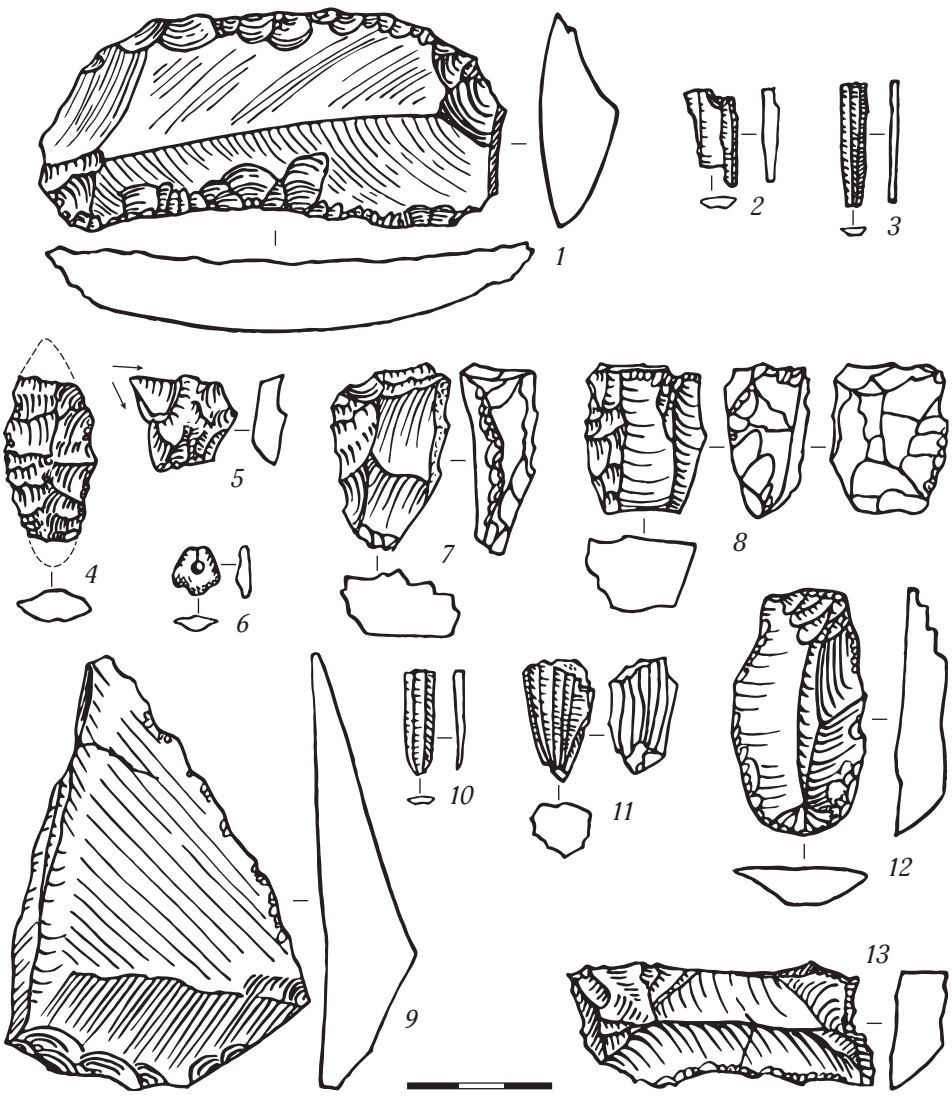


Рис. 4. Сибердик, ранний неолит: *1*, *13* — ножи; *2*, *3*, *10* — микропластины; *4* — наконечник стрелы; *5* — резец; *6* — бусина; *7*, *8* — нуклеусы; *9* — нож; *12* — скребок; *11* — конический нуклеус. Материалы: *4*, *11* — кремень. Слои: *1—3* — 1-й слой; *4—13* — 2-й слой (по: Диков 1977, 1979)

отличия: отсутствуют характерная керамика с перфорацией у венчика и прочерченным орнаментом, полиэдрические резцы, прямоугольного сечения тёсла и тёсла с уступом. Комплекс культуры включает многочисленные двусторонне ретушированные наконечники стрел и дротиков: листовидные с линзовидным (рис. 5: *7—10*), треугольным (рис. 5: *17*) и ромбовидным сечением. Последние характерны для ымыяхтахской, второй неолитической ушковской культур и верхнеколымских позднеолитических комплексов. Представлены также треугольные наконечники стрел и дротиков с прямым основанием (рис. 5: *11*, *14*, *15*), наконечники

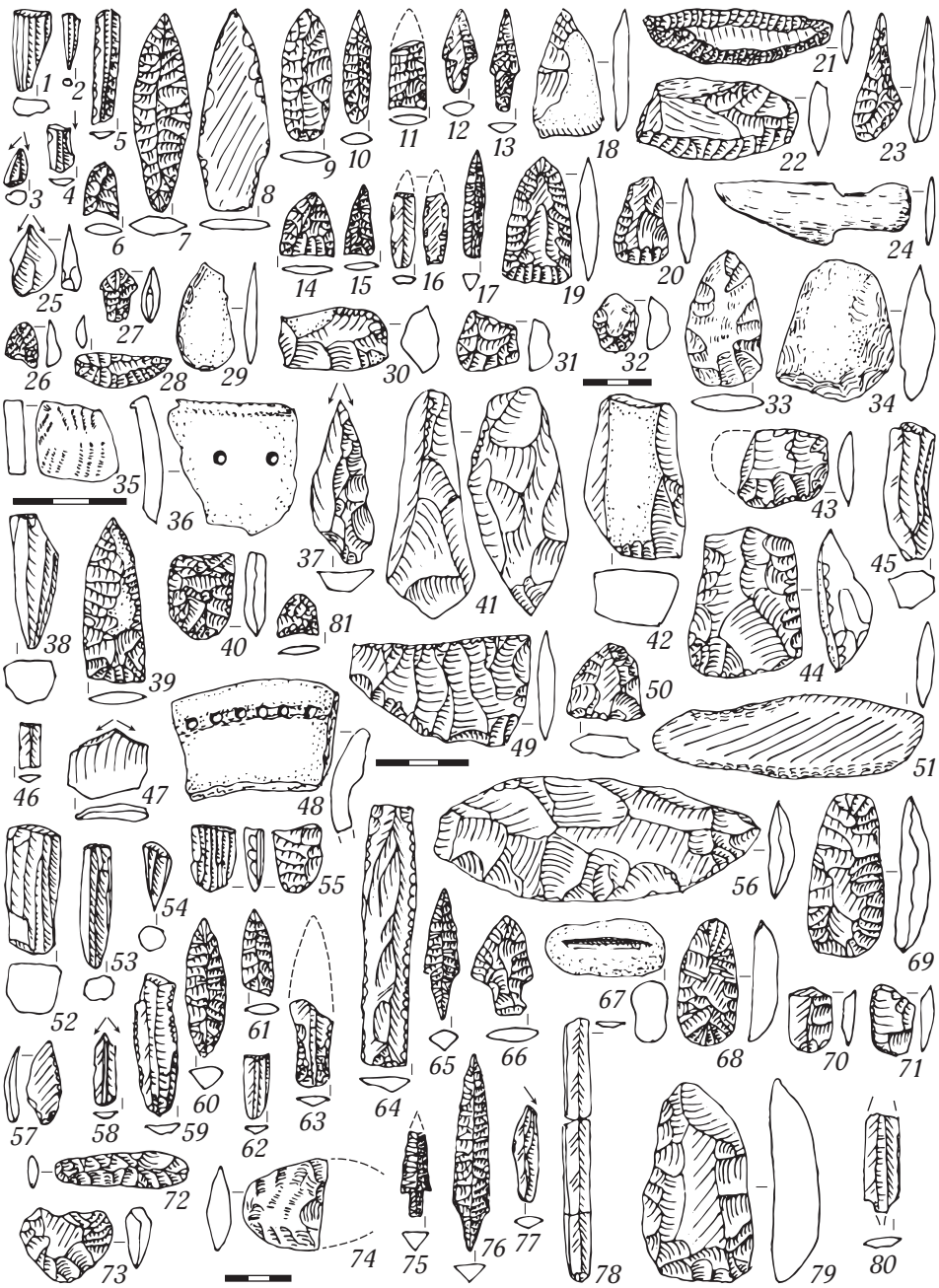


Рис. 5. Комплексы северочукотской культуры (*1—36*); общие с усть-бельской культурой орудия (*5*, *11*, *15*, *16*, *19*, *25*, *28*, *31*); комплексы малтанской культуры: ранний (2-й слой: *37—47*, *49*, *81*) и поздний (1-й слой: *48*, *50*, *51*); первой поздненеолитической ушковской культуры (*52—71*), второй поздненеолитической ушковской культуры (*72—80*). Изделия: *1—3*, *38*, *45*, *52—55* — нуклеусы; *4*, *5*, *46*, *59*, *62*, *64*, *78* — пластины; *6—17*, *39*, *60*, *61*, *63*, *65*, *66*, *75*, *76*, *80*, *81* — наконечники; *18—20*, *41*, *42*, *44*, *50*, *68*, *69*, *79* — тёсла; *21*, *22*, *24*, *28*, *43*, *49*, *51*, *56*, *57*, *72*, *74* — ножи; *23* — ручное сверло; *25*, *37*, *47*, *58*, *77* — резцы; *26*, *27*, *29—34*, *40*, *70*, *71*, *73* — скребки; *35*, *36*, *48* — керамика; *67* — калибратор; *72* — вкладыш (по: Диков 1977, 1979)

с округлым концом (боевые?) (рис. 5: 6), черешковые (рис. 5: *12*, *13*), на пластине (рис. 5: *16*). Керамика редка, на оз. Чировом, о. Айон и р. Амгуэме её больше. Она гладкостенная с примесью оленьего волоса, иногда с отверстиями у венчика (рис. 5: *36*), ложнотекстильная, а также шнуровая (оттиск) (рис. 5: *35*). Стоянки расположены на берегах рек и озёр, богатых рыбой и птицей, на путях миграции диких оленей; могильники — на вершинах сопок и возле останцов, где кости человека не сохранились, поэтому его антропологический тип неизвестен. Множество тонко ретушированных черешковых наконечников стрел представлено в погребении Экиатапского могильника (Диков 1977, 1979).

На опорной стоянке оз. Чирового (Чировая, 2800±100, ГИН) найдены каменные наконечники стрел, тёсла-топоры, скребки, отщепы, костяные зубцы составных острог и скопление керамики. В мощном культурном слое обнаружена глиняная печь (для копчения рыбы?) и хозяйственные ямы (для хранения мяса?). Оседлость жителей определялась, вероятно, обилием биоресурсов.

Известны сезонные стоянки с тонким культурным слоем и скудным инвентарём, а также мастерские. Каменный инвентарь культуры также характеризуется призматическими (рис. 5: *1*) и коническими (рис. 5: *2*) нуклеусами, ретушированными и без обработки ножевидными пластинами (рис. 5: *5*), черешковыми и бесчерешковыми ножами-бифасами (рис. 5: *21*, *22*), «горбатыми» ножами (рис. 5: *28*), шлифованными ножами (рис. 5: *24*), скребками (рис. 5: *26*, *27*, *29—34*), скобелями, резцами из ножевидных пластин (рис. 5: *4*) и отщепов (рис. 5: *25*), полиэдрическими резцами (рис. 5: *3*), трапециевидными тёслами (рис. 5: *19*, *20*), тёслами с подшлифованным лезвием (рис. 5: *18*), ручными свёрлами (рис. 5: *23*). Керамика (рис. 5: *35*, *36*) отличается от рубчатой усть-бельской и от ымыяхтахской (наклоном венчика и отсутствием прочерченного орнамента). Тёсла линзовидные в сечении, а не прямоугольные, как ымыяхтахские.

Наиболее характерны массивные двусторонне ретушированные наконечники стрел айоно-амгуэмского типа с боковыми выступами, отделяющими остриё от черешка с овально выпуклым основанием (рис. 5: *12*, *13*) (о. Айон, оз. Эльгыгытгын, р. Амгуэма, Хегачкан) (Диков 1977, 1979). Наличие стоянок на о. Айон позволяет говорить о наличии морских транспортных средств.

Перечисленные особенности позволили Н.Н. Дикову выделить северочукотскую культуру как своеобразный локальный вариант (восточный вариант ымыяхтахской культуры?) или даже самостоятельную культуру.

Возможно, с северочукотской культурой связаны петроглифы на р. Пегтымель (Диков 1971, 1979). Здесь зафиксировано около 100 групп выбитых на скалах изображений сцен летней и зимней охоты на оленей и медведей, морской охоты на каяке и байдаре с использованием гарпуна, антропоморфных фигур грибов (мухоморов?). Датируются петроглифы 4—2 тыс. л.н. и отражают развитие и усложнение эколого-экономических систем и мировоззрения человека этой эпохи.

Малтанская неолитическая культура на Колыме представлена стоянкой Малтан, ранненеолитическим 2-м культурным слоем (около 7,5 тыс. л.н.) и поздненеолитическим 1-м слоем (Диков 1977, 1979: рис. 36—38). Во 2-м слое нет керамики и шлифованных орудий, а представлены ножевидные пластины (рис. 5: *46*) и вкладыши, которые скалывались с конусовидных (рис. 5: *38*) и призматических (рис. 5: *45*) нуклеусов. Часть пластин ретуширована по краям и могла использоваться как ножи или скребки. В отличие от палеолита, наконечники стрел тонкие и плоские в сечении, треугольной формы с прямым основанием (рис. 5: *39*), с притуплённым остриём (рис. 5: *81*). Встречены также срединные резцы-резчики на отщепах (рис. 5: *47*), листовидные ретушированные ножи — овальные (рис. 5: *43*) или подтреугольные (рис. 5: *49*), бифасы или подтреугольные с краевой ретушью унифасы. Характерны комбинированные скребловидные тёсла из оббитых галек (рис. 5: *41*, *42*). Тщательно обработаны усечённо-овальные скребки (рис. 5: *40*) и трапециевидные тёсла (рис. 5: *44*). В позднем комплексе 1-го слоя (рис. 5: *48*, *50*, *51*) происходит огрубление техники, но типы орудий остаются прежними. Переход к позднему этапу (палеометалл?) проходит без технологических инноваций, исключая появление керамики (фрагмент) (рис. 5: *48*), шлифованных ножей (рис. 5: *51*) и наземных жилищ. Помимо указанных орудий, в 1-м слое представлены трапецевидные тёсла с сохранением галечной корки прямоугольного и линзовидного сечения, а также ретушированное тесло подтреугольной формы линзовидного сечения (рис. 5: *50*) (Диков 1979).

Для малтанской традиции характерна двухсторонняя обработка орудий, а для сумнагинской — односторонняя. Малтанские подтреугольные наконечники стрел (дротиков), сходные с кухтуйскими Охотского побережья, отличаются от сумнагинских пластинчатых черешковых частично ретушированных наконечников (Диков 1977, 1979). Неолит Верхней Колымы соотносят с малтанскими (Диков 1979) или сумнагинскими (Слободи 2001, 2017) традициями из-за сочетания односторонней и двухсторонней обработки орудий. Здесь требуются дополнительные исследования.

Средний неолит Верхней Колымы. В Верховьях р. Колымы в последние десятилетия исследования Н.Н. Дикова были продолжены С.Б. Слободиным (2001, 2017). Он выделяет период среднего неолита (около 4150—4950 л.н.) и относит к нему комплексы стоянок Агробаза IV, Немичан, Мигай.

Отмечаются характерные черты комплексов среднего неолита: конические и призматические нуклеусы (микро?) (рис. 6: *9*); мезо- и микропластины (рис. 6: *16*, *17*), пластины с ретушью (рис. 6: *10*); резцы угловые на пластинах (рис. 6: *21*, *29*); ретушированные вкладыши (рис. 6: *23*); полиэдрические резчики (рис. 6: *19*, *24*, *25*); клювовидные резчики (рис. 6: *11*); концевые скребки овальной (рис. 6: *20*, *26*, *27*) и подтреугольной (рис. 6: *18*) формы; наконечники листовидные линзовидного сечения (рис. 6: *1*, *3*, *4*), ромбовидные с боковыми выступами (рис. 6: *2*) и треугольные линзовидного (рис. 6: *5*, *15*, *22*) и треугольного сечения (рис. 6: *13*). К маркирующим находкам этого периода автор относит топор (тесло?) с ушками (рис. 6: *28*),

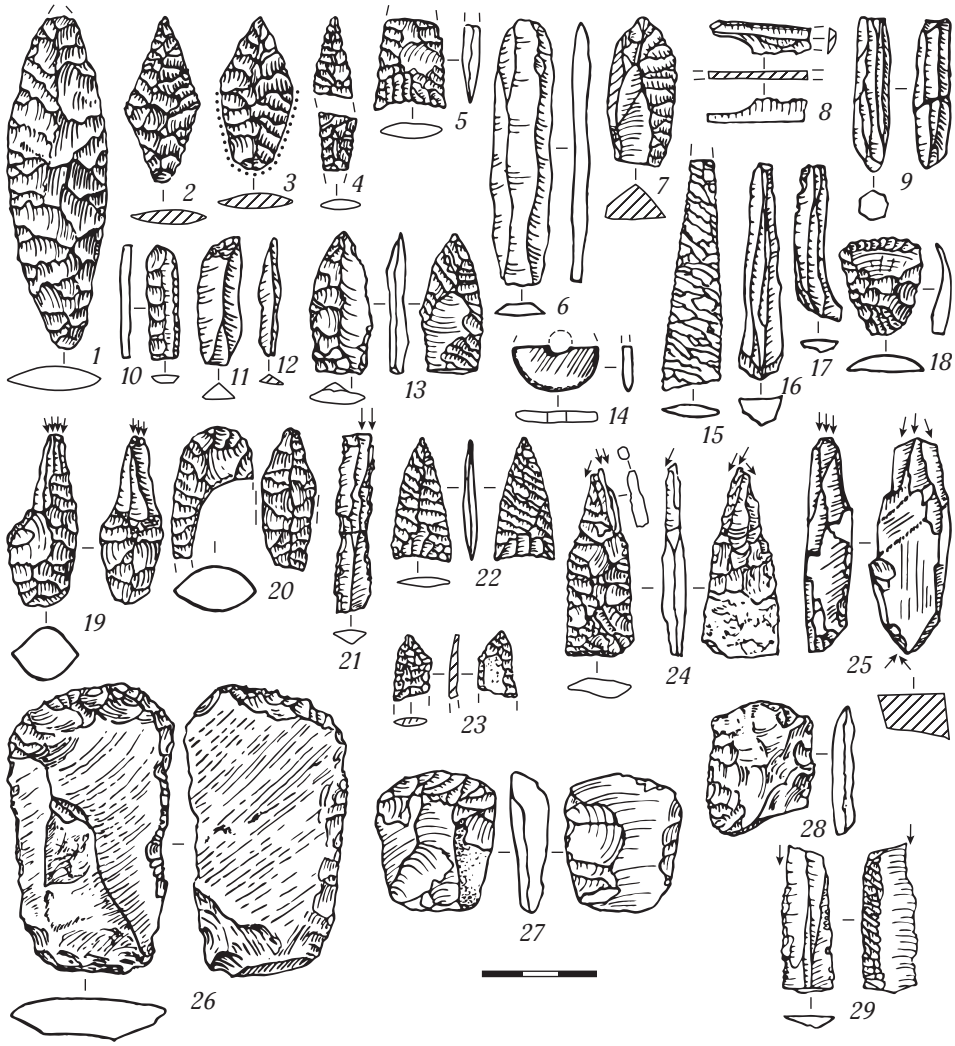


Рис. 6. Верхняя Колыма, средний неолит: *1—5*, *7*, *13*, *15*, *22* — наконечники стрел; *6*, *16*, *17* — пластины; *8* — сверло; *9* — конический нуклеус; *10* — пластина с ретушью (вкладыш?); *11* — резчик; *12* — проколка; *14* — бусина; *18*, *20*, *26*, *27* — скребки; *19*, *24*, *25* — полиэдрические резчики; 21, 29 — угловые резцы из пластин; *23* — вкладыш; *28* — тесло. Места находок: *1*, *5*, *6*, *8—11*, *14—21* — Немичан; *2—4*, *7*, *12*, *23*, *25* — Агробаза; *13*, *22*, *24*, *26—29* — Мигай (по: Слободин 2001, 2017)

шлифованные плоские бусины (рис. 6: *14*) и подвески. Источником обсидиана комплексов данных стоянок являлся район оз. Красного. Помимо кремня использовались такие вязкие породы камня, как халцедон и хрусталь.

Поздний неолит Верхней Колымы (около 4700—3025 л.н.). К позднему неолиту С.Б. Слободин относит комплексы стоянок Ниль-Устье, Придорожная, Запятая, Малык II, Момонтай I—III Купка I, Нярка I, Коркодон, Хуренджа IV, XI, Хетагчан I—III (Слободин, 2001, 2017). Наиболее представительны материалы стоянки Запятая. Для комплексов характерны наконечники айоно-амгуэмского типа, как и для северочукотской культуры.

Появляются инновации — ложнотекстильная (вафельная) керамика (рис. 7: *20*), шнуровая (штамп) керамика с оттиском зубцов на венчике и у венчика (рис. 7: *22*), керамика с перфорацией и ёлочным орнаментом (оттиск) (рис. 7: *21*). Последняя своеобразна и не находит аналогий. Интерес представляют также трёхгранные напильниковидные наконечники (рис. 7: *6*) с симметричными бородками («жальцами») (рис. 7: *10*), прямоугольные треугольного сечения тёсла (рис. 7: *19*).

Кроме того, представлены призматические нуклеусы (рис. 7: *2*); макро- (рис. 7: *4*), мезо- и микропластины; вкладыши прямоугольные

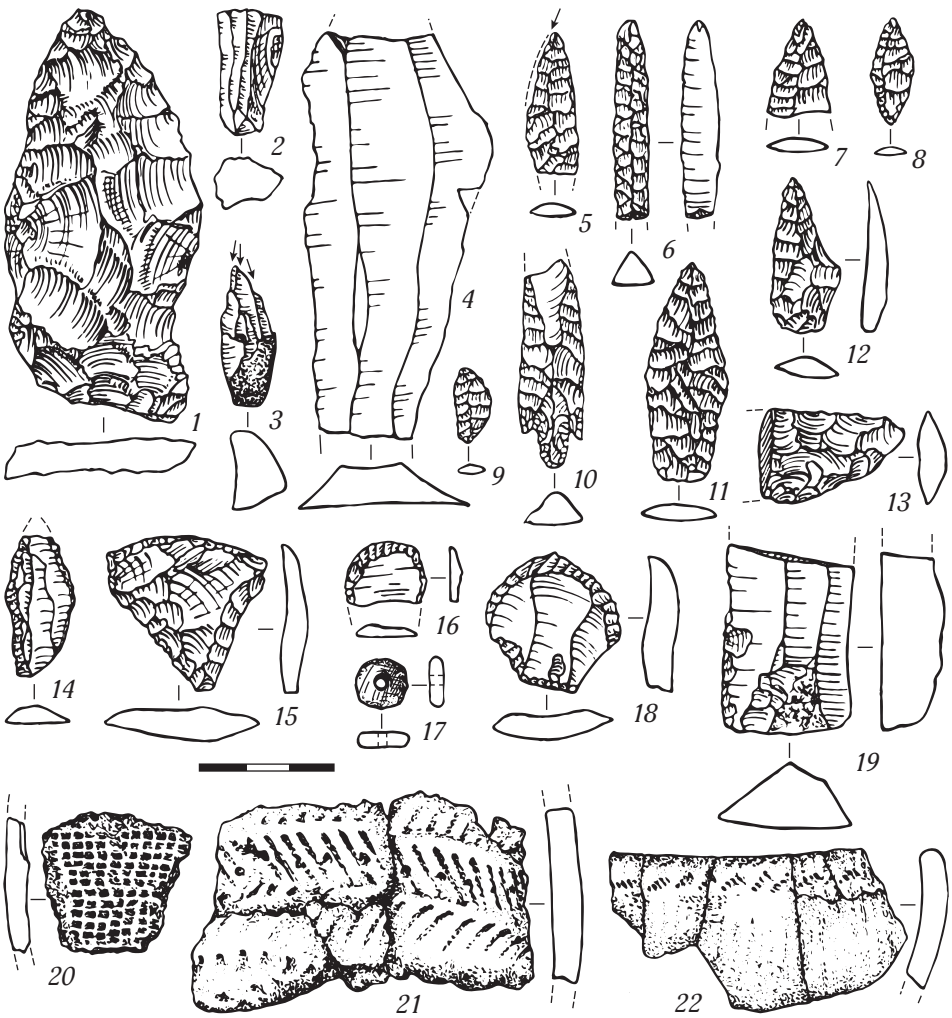


Рис. 7. Верхняя Колыма, поздний неолит: *1* — нож-бифас; *2* — призматический нуклеус; *3* — резец; *4* — макропластина; *5* — резец из наконечника стрелы; *6—8*, *10*, *11* — наконечники стрел; *9* — вкладыш; *12* — нож-проколка; *13* — фрагмент ножа; *14* — резчик; *15*, *16*, *18* — скребки; *17* — бусина; *19* — тесло; *20—22* — керамика. Материал: *1*, *2*, *4* — серый кремень; *6*, *13* — окремнелый туф; *8* — халцедон; *14*, *16* — белый кремень. Места находок: *1—3*, *9*, *20*, *21* — Запятая; *4*, *6*, *10*, *13*, *14*, *16*, *17* — Придорожная; *5*, *13*, *19* — Момонтай 2; *7*, *8*, *11*, *12*, *15*, *18* — Малык II; *22* — Агробаза IV (по: Слободин 2001)

и сегментовидные (рис. 7: *9*); наконечники: черешковые плоские, односторонне выпуклые, напильниковидные на пластинах (рис. 7: *6*), листовидные линзовидного сечения (рис. 7: *5*), с боковыми выступами (рис. 7: *11*), с заострённым основанием (рис. 7: *8*); листовидные и треугольные ножи со скошенным (?) лезвием, черешковые (рис. 7: *13*); скребки топоровидные (?), треугольные (рис. 7: *15*), усечённо-овальные с краевой ретушью (рис. 7: *16*) и овальные (рис. 7: *18*); клювовидные резчики из пластин (рис. 7: *14*); тёсла прямоугольные (?), треугольные и линзовидные в сечении, шлифованные (полностью?), оббитые тёсла овальной формы. Сохраняются плоские треугольные наконечники с прямым или слегка вогнутым основанием, трёхгранные напильниковидные наконечники, полиэдрические резцы (рис. 7: *3*), плоские бусины (рис. 7: *17*). Отмечается угасание пластинчатой техники. На стоянке Хетагчан I фиксируется большое поселение. В археологических материалах культуры прослеживаются связи с Якутией, Чукоткой и Камчаткой (Слободин, 2001, 2017).

Прелахтинская позднеолитическая культура (5000—3500 л.н.) представлена ранними комплексами поселений Лахтина I (аэропорт Беринговский) (3340±100 (МАГ-407)), Орианда I—III в южной части Северо-Западного Берингоморья (Орехов 2001, 2021). Техника расщепления этих комплексов представлена нуклеусами переходного типа (рис. 3: *7*, *8*, *17*, *39*), ножевидными пластинами (рис. 3: *9*, *13*), вкладышами (рис. 3: *20*) и ножом (рис. 3: *14*) из пластин. Доминирует способ изготовления орудий из галек, галечных сколов и отщепов (рис. 3: *18*, *22*, *29*, *35*, *37*). Комплексы прелахтинской культуры характеризуются преобладанием орудий малых размеров (5—10 см); изготовленными из пластинчатых отщепов листовидными (рис. 3: *1*), с боковыми выступами (рис. 3: *2*, *3*, *6*), треугольными с овально-вогнутым основанием (рис. 3: *4*, *11*, *12*), с широким прямым черешком (рис. 3: *6*) наконечниками стрел; концевыми из пластин (рис. 3: *35*) и отщепов (рис. 3: *30*, *31*) скребками, микроскребками (рис. 3: *32*, *36*) дисковидными (рис. 3: *28*), односторонне ретушированными с сохранением галечной корки (рис. 3: *29*). Представлены также односторонне ретушированные ножи из отщепов (рис. 3: *10*, *21*) с сохранением галечной корки (рис. 3: *18*, *22*), двусторонне ретушированные ножи из сланцевых пластин (рис. 3: *24*, *26*) и сколов (рис. 3: *15*), односторонне обработанный нож-проколка-сверло из пластины (рис. 3: *25*), грубо обработанные с одной стороны небольшие тёсла (рис. 3: *23*), резцы (рис. 3: *27*) и резчики (рис. 3: *33*, *41*) из пластин. Единичны находки массивной заготовки дисковидного скребла (рис. 3: *34*) и рубиловидного (тесло-топор?) орудия (рис. 3: *38*).

Орудия изготовлены из обсидиана (преобладают), кремня, кремнистого сланца и яшмоида. Для вторичной обработки характерны ретушь в сочетании с оббивкой, низкий процент шлифовки (20%), резцовый скол (7%), преобладание краевой ретуши (80%), сочетание односторонне (65%) и двухсторонне обработанных орудий. Прелахтинская культура явилась основой развития лахтинской культуры (2500—500 л.н.) эпохи палеометалла. Загадку (без датировки и стартиграфической привязки)

представляет классический клиновидный нуклеус, найденный в обнажении северной косы (бара) лагуны Аринай (рис. 3: *45*). Он аналогичен клиновидным нуклеусам 6-го слоя Ушковских стоянок и технико-типологически, и по материалу изготовления (зелёный кремень).

Стоянки прелахтинской культуры отражают миграцию континентального населения на морское побережье или движение вдоль побережья с юга на север, но не фиксируют технико-технологические изменения, которые можно связать с приморской адаптацией. О последней свидетельствует наличие раковин моллюсков и костей ластоногих. Топография и стратиграфия (культурный слой 0,35 см) подтверждают существование долговременного поселения.

Тарьинская культура является поздненеолитической культурой Камчатки (около 6—2 тыс. л.н.), соответствует 3-му слою стоянки Ушки I и названа по памятнику в бухте Тарья (Диков 1977, 1979; Дикова 1983; Пономаренко 2014). Выделяют северный и южный её варианты, но сходств между ними больше, чем различий (рис. 8). Для тарьинской культуры характерны аморфные нуклеусы (рис. 8: *47*); макро-, мезо- и микропластины (рис. 8: *17—19*, *46*); резцы на пластинах (рис. 8: *20*); листовидные (рис. 8: *3*, *12*), с заострённым основанием (рис. 8: *1*, *6*, *9*, *11*), черешковые (рис. 8: *4*, *7*, *14*, *15*) и треугольные (рис. 8: *2*, *5*, *13*) наконечники стрел; сегментовидные и треугольные вкладыши (рис. 8: *48*); двусторонне ретушированные черешковые (рис. 8: *35*, *42—44*, *51*), листовидные, овальные (рис. 8: *36*, *41*, *52*) и «горбатые» ножи (рис. 8: *31*, *32*, *45*), ножи с пришлифованным лезвием (рис. 8: *50*); овальные боковые (рис. 8: *21*), концевые (рис. 8: *33*, *34*), из пластин (рис. 8: *38*) и черешковые скребки (рис. 8: *37*, *49*), комбинированные скребки-резцы (рис. 8: *22*); ретушированные тёсла линзовидного сечения (рис. 8: *23*, *25*, *27*), с пришлифованным лезвием, треугольного сечения (рис. 8: *28—30*); скобели и проколки с ретушированной рукояткой; каменные лабретки (рис. 8: *8*, *39*); антропоморфные фигурки (рис. 8: *16*). Последние аналогичны найденным на берегу р. Анадырь (100 км от устья) и в Приохотье. Тарьинская культура предшествует (по А.К. Пономаренко, она представляет собой ранний этап) древнеительменской культуре. На стоянке Столбовая-1 северо-западной Камчатки (Понкратова 2020) помимо типично неолитических наконечников стрел, ножей, скребков обнаружена каменная лабретка, возможно, свидетельствующая о принадлежности к тарьинской культуре. Вероятно, это определяет северную границу распространения данной культуры. Лабретки отражают обряд инициации и социальное положение.

Ушковская первая неолитическая (позднеолитическая) культура (около 4,5 тыс. л.н.), экономическую основу которой составлял охотничье-рыболовческий промысел, распространяется в период климатического оптимума и представлена 4-м слоем ушковских стоянок I, II, IV, V на берегу оз. Ушковского, а также находками на западном побережье Камчатки. Каменный инвентарь включает многочисленные призматические и конические нуклеусы (рис. 5: *52—54*), а также нуклеусы переходного типа (рис. 5: *55*); ножевидные пластины (рис. 5: *62*), часто с краевой ретушью

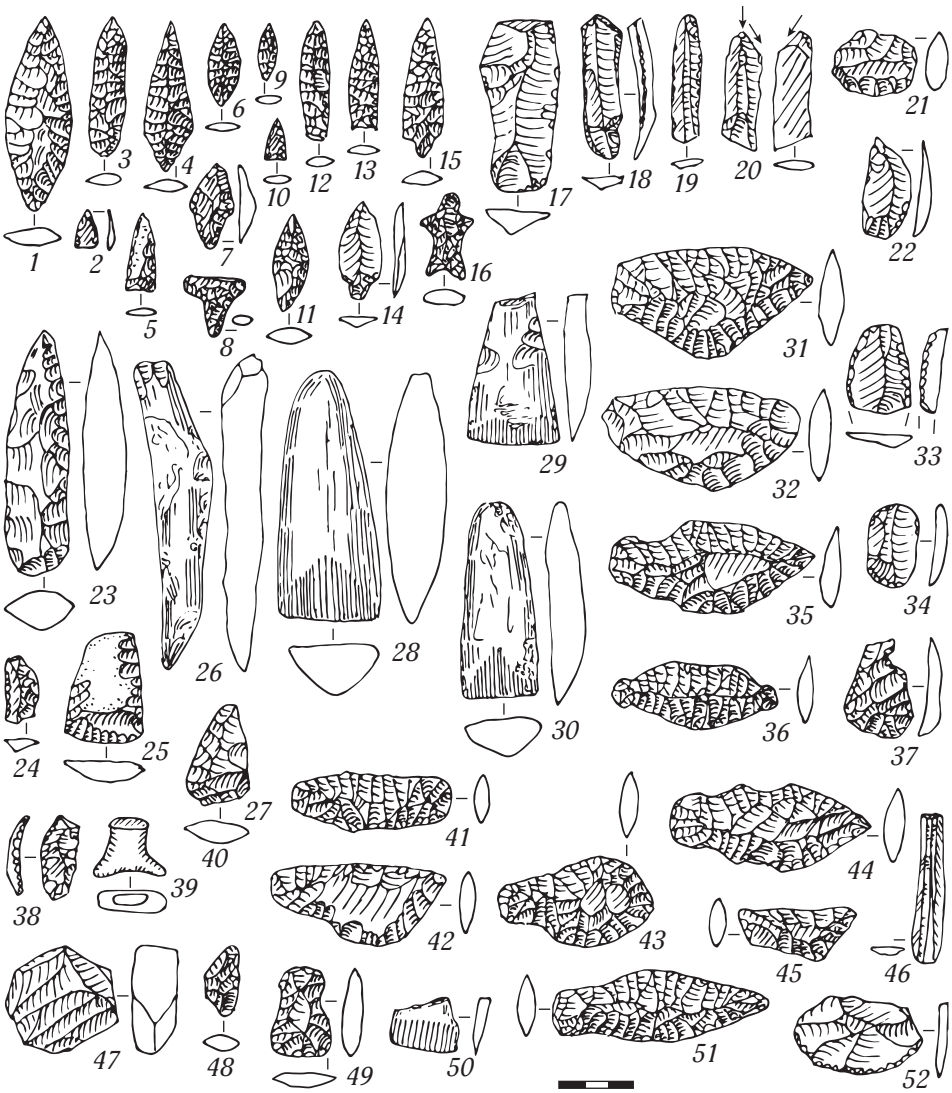


Рис. 8. Комплекс тарьинской культуры: *1—7*, *9—15* — наконечники стрел; *8*, *39* — лабретки; *16* — антропоморфная фигурка; *17—19*, *46* — пластины; *20* — резец из пластины; *21*, *22*, *33*, *34*, *37*, *38*, *49* — скребки; *23*, *25—30* — тёсла; *24*, *48* — вкладыши; *31*, *32*, *35*, *36*, *41—45*, *50—52* — ножи; *47* — аморфный нуклеус. Общие орудия для северного и южного варианта культуры: *4*, *8*, *13—15*, *17*, *18*, *28*, *30—33*, *36*, *39*, *44*, *47*, *49*, *52* (по: Диков, 1977, 1979: рис. 43, 44; Дикова 1983; Пономаренко 2014)

мезо- (рис. 5: *64*) и микропластины (рис. 5: *59*) (ножи?); листовидные ножи-бифасы (рис. 5: *56*); двусторонне ретушированные листовидные наконечники стрел линзовидного (рис. 5: *61*) и треугольного (рис. 5: *60*) сечения, с боковыми выступами (рис. 5: *65*); скребки из пластин с краевой ретушью (рис. 5: *70*), концевые скребки из отщепов (рис. 5: *71*). Появляются срединные и боковые резцы из пластин (рис. 5: *58*), дифференцируются скребки, применяются сплошь ретушированные тёсла (рис. 5: *68*, *69*), что может рассматриваться как возможное свидетельство домостроительства.

Встречаются: черешковые наконечники (рис. 5: *66*), в том числе из пластин (рис. 5: *63*), частично ретушированных по краям; подтреугольные ножи из пластин с краевой односторонней ретушью (рис. 5: *57*); калибраторы древков стрел (рис. 5: *67*). К инновациям относятся треугольного сечения наконечники стрел, обработанные косой ретушью, с выделенным треугольным черешком треугольного сечения (рис. 5: *65*). Они находят аналогии на Чукотке (Диков 1979, 1993) и Верхней Колыме (Слободин 2001, 2017). Данные комплексы имеют как общие черты с памятниками позднего неолита Колымы и Чукотки, так и значительные отличия. Вероятно, в этом случае следует отмечать не распространение на Камчатке ымыяхтахской культуры, а её возможное влияние на местные традиции. Ушковские неолитические поселения большие по площади, показывают длительное освоение части побережья оз. Ушковского.

Наибольшие аналогии этой культуре представлены в комплексах Амгуэмы (северочукотская культура), в сумнагинской традиции (культуре), комплексах Верхней Колымы. Возможно, это свидетельство роли сумнагинской традиции в формировании ушковских комплексов (Диков 1979: 110). Но в ушковских поздненеолитических комплексах бифасиальные ножи и наконечники стрел имеют сходство с малтанским комплексом. Ушковский комплекс датируется около 5—4 тыс. л.н. (4200±100 (МАГ-132)). Также они находят аналогии в культурах Северо-Западной Америки (6—5 тыс. л.н.; Денби, Такли, Чалука) (Диков 1979: 112). Характерные для амгуэмского, красненского и ушковского комплексов наконечники с ромбическим сечением близки традициям сыалахской неолитической культуры Якутии (Диков 1979).

Обнаруженные И.Ю. Понкратовой в 2009—2010 гг. (Понкратова 2020) фрагменты единственного керамического сосуда в неолитическом слое стоянки Ушки V (около 4 тыс. л.н.) вряд ли стоит рассматривать как свидетельство развития керамического производства. На других ушковских поселениях неолита керамики нет, и дальнейшее распространение керамическая традиция не получает. Скорее всего, появление данного керамического сосуда является результатом культурной трансляции в виде обмена. Новые исследования и возможные находки керамики в неолитических комплексах Камчатки позволят внести ясность.

Вторая ушковская неолитическая (поздненеолитическая) культура (около 3,5 тыс. л.н.) представлена 3-м слоем I и II ушковских стоянок (поздний этап культуры 4-го слоя?). Для этой традиции характерны: ножевидные пластины с ретушью и без неё (рис. 5: *78*); ретушированные вкладыши (рис. 5: *72*); трёхгранные наконечники с черешком (рис. 5: *75*, *76*) и без него; листовидные ножи-бифасы (рис. 5: *74*); односторонне ретушированные ножи на пластинах; скребки с выпуклым лезвием (рис. 5: *73*); односторонне выпуклые тёсла (рис. 5: *79*); проколки и боковые резцы из ножевидных пластин (рис. 5: *77*). Нуклеусы в данном комплексе не найдены, отсутствуют также керамика и шлифованные орудия. Инновацией являются вкладыши и черешковые пластинчатые наконечники (рис. 5: *80*).

Прослеживаются аналогии с комплексами оз. Красного. Трёхгранные наконечники имеют аналогии в сыалахской и ымыяхтахской культурах Якутии (Мочанов 1977; Федосеева 1980), в Уолбинском комплексе, а также в северочукотской культуре (Диков 1979). В связи с наличием подобных наконечников С.Б. Слободин относит некоторые верхнеколымские комплексы к уолбинской традиции.

Ушковские неолитические комплексы традиционно считаются опорными для северо-востока Азии.

Ранний неолит характеризуется расцветом микропластинчатой индустрии с использованием конических и призматических нуклеусов, в то время как техника отщепов представлена меньше. Комплексы отражают сложный и во многом непонятный процесс взаимодействия преобладающе унифасиальной сумнагинской традиции (восточный вариант культуры?) и преобладающе бифасиальных сибердиковской, малтанской (Диков 1977, 1979). Это докерамический неолит.

Сетчатая керамика в восточной Якутии (Алексеев 1996; Мочанов 1977; Федосеева 1980) характеризует ранний этап развития гончарства. Шнуровая керамика появляется позже, на Алдане она датируется около 5000 л.н. (Федосеева 1980), а затем распространяется по всему северо-востоку Азии. На Колыме эта керамика (с элементами оттиска гребёнки) датируется 4790±50 л.н. (Beta 140689) (Слободин 2001). Фрагмент своеобразной керамики с оттиском штампа с косыми горизонтальными линиями у венчика (они попарно образуют ёлочный орнамент) зафиксирован в нижнем слое стоянки Агробаза IV (Слободин 2001), однако источник её неизвестен. На Чукотке рубчатая керамика появляется около 2800 л.н. (Диков 1979). Движение традиций белькачинской культуры на восток, возможно, указывает путь распространения этой керамики. Линейная керамика (штамп) датируется на Усть-Бельской стоянке 3,5—2,5 тыс. л.н. (Диков 1979), а на р. Алдан появляется 2100 л.н. (Федосеева 1980). Ложнотекстильный оттиск (в американской терминологии — «клеточный штамп», а в якутской — «вафельная керамика») с квадратной, реже прямоугольной или ромбовидной ячеей появляется в северочукоткой культуре около 5000 л.н. (Диков 1979), но не становится доминирующим. Он характерен для ымыяхтахской культуры 3800—2900 л.н. (Федосеева 1980). В неолите представлены круглодонные сосуды с округлым или прямым туловом, с закрытым устьем и прямым или округлым венчиком с внутренним наклоном (закрытое устье). Гончарное производство из Восточной Азии через Приморье, Приамурье распространяется в Якутию, колымские районы и через Чукотку на Камчатку и Аляску (Диков 1979, 1993; Мочанов 1977).

Общие традиции каменного инвентаря неолитических культур северо-востока Азии следующие: микропластинчатая и вкладышевая техника; конические и призматические нуклеусы; изготовление орудий из микро- и мезопластин, пластинчатых отщепов, расщеплённых галек; изготовление резцов из пластин, отщепов, обломков орудий; изготовление ручных свёрл из отщепов; использование оббивки, ударной и отжимной ретуши

в обработке рабочих лезвий, пикетаж, а в поздний период — шлифовка; сочетание односторонней и двухсторонней обработки орудий; разнообразие наконечников стрел и дротиков. 4 тыс. л.н. начала развиваться сланцевая шлифованная индустрия, имеющая истоки в Юго-Восточной Азии (Таиланд, Пещера духов, 7 тыс. л.н. (Ackerman 1982)). Микропластинчатая индустрия в позднем неолите угасает и в комплексах с датировкой 4 тыс. л.н. представлена немногочисленными находками, а с датировкой 3 тыс. л.н. — единичными репликами и аморфными нуклеусами (Василевский 2000, 2008; Диков 1979, 1993; Орехов 2001, 2021).

Для комплексов раннего неолита характерны расцвет микро- и мезопластинчатой техники с использованием конических, призматических и пластинчатых нуклеусов, изготовление орудий из пластин: наконечников стрел с острым черешком, скребков, ножей, резцов. Наблюдаются сочетание односторонне и двухсторонне обработанных орудий с преобладанием первых, наибольшее распространение краевой обработки рабочего края, ограниченное использование вкладышевой техники (наконечники, ножи, тёсла-топоры), уменьшение размеров орудий (возможно, это объясняется мобильным образом жизни), а шлифовка используется только в изготовлении тёсел-топоров в финале раннего неолита.

Комплекс орудий характеризуется листовидными и треугольными наконечниками стрел из пластин с краевой односторонней отжимной ретушью, с острым черешком треугольного и ромбовидного сечения, с прямым черешком, с прямым или овально-вогнутым основаниями; тёслами трапециевидной формы, линзовидного сечения, с пришлифованным лезвием, овальными и усечённо-овальными скребками из пластин (преобладают), отщепов; скрёблами из галечных сколов, резцами из пластин (преобладают), отщепов и обломков орудий; редкими находками полиэдрических резцов (свёрла?).

В позднем неолите (5—3 тыс. л.н.) появляется керамика круглодонная, с закрытым устьем, текстильная, ложнотекстильная, шнуровая (накат или штамп), мезопластины исчезают, угасает микропластинчатая техника, её вытесняет техника изготовления орудий из отщепов, распространяются шлифовка и сланцевая индустрия, виды и типы орудий и изделий становятся разнообразнее.

В финальном неолите (3,5—3 тыс. л.н.) микропластинчатая техника исчезает, встречаются единичные аморфные нуклеусы и пластины, широко распространяется сланцевая индустрия и шлифовка: ножи, тёсла, наконечники, подвески, бусины. Активно используется кость (рога и кости оленя, горного барана) для изготовления орудий и изделий. Распространяются предметы, изготовленные из костей морских животных и моржовых клыков, что отражает процесс приморской адаптации. В финальном неолите также происходит генезис автохтонных этносов. Усложняется хозяйство, появляются стационарные большие поселения на барах и морских террасах в лагунах и на берегах рек и озёр, широко распространяются стационарные жилища — полуземлянки и заглублённые жилища

(отмечаются в раннем неолите, а появляются в палеолите, 6-й слой стоянок Ушки I, II, V), однако сохраняются и мобильные. Основой социума, вероятно, являлись домашние и поселковые общины.

В неолите меняются как окружающий мир, так и сам человек, который, приобретая новые знания, умения и навыки, начинает активно использовать морские биоресурсы. Так формируется приморская эколого-экономическая система, меняется образ жизни. Это прогрессивное развитие производительных сил и культуры человека, осваивающего Север. Возрастают дифференциации и локализация культурных традиций и культур, имеющих общие истоки и генетические связи. В этом сложном многолинейном процессе различия определялись генезисом культур, разнообразием экологических условий, эколого-экономических систем, культурных трансляций и взаимосвязей, степенью консервативности и мобильности, характером и уровнем адаптации. Более «консервативный» каменный инвентарь, имеющий широкий географический и хронологический диапазон, лишь отчасти может свидетельствовать об общих истоках и взаимосвязях, характер которых не всегда ясен. Происходит усложнение мировоззрения. В финальном неолите начинают развитие токаревская, лахтинская, усть-бельская (?) культуры, что продолжается в эпоху палеометалла.

Этноантропологическая характеристика неолитических памятников северо-востока Азии сложна и неопределённа. Предполагается, что они принадлежат общим предкам нескольких народов. Ранненеолитические памятники Чукотки соотносят с протоэскоалеутами (третья волна миграции из Азии в Америку) (Диков 1979, 1993). Северочукотскую культуру рассматривают как предковую для чукчей (чукчей и коряков?) (Диков 1979). Ымыяхтахскую культуру считают предковой для всех палеоазиатов (Федосеева 1980). В этническом отношении тарьинская культура рассматривается как предковая по отношению к древнеительменской (Диков 1979; Пономаренко, 2014).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, А.Н. 1996. *Древняя Якутия. Неолит и эпоха бронзы*. Новосибирск: Наука.

Василевский, А.А. 2000. К понятию «неолит» и его периодизации на о-ве Сахалин. *Вперёд... в прошлое: К 70-летию Жанны Васильевны Андреевой*. Владивосток: Дальнаука: 150—160.

Василевский, А.А. 2008. *Каменный век острова Сахалин*. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во.

Гусев, С.В. 2002. Раннеголоценовая стоянка Найван в Беринговом проливе. *II Диковские чтения:* материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ: 356—364.

Диков, Н.Н. 1971. *Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля*. М.: Наука.

Диков, Н.Н. 1977. *Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: Азия на стыке с Америкой в древности*. М.: Наука.

Диков, Н.Н. 1979. *Древние культуры северо-восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности*. М.: Наука.

Диков, Н.Н. 1993. *Азия на стыке с Америкой в древности*. СПб.: Наука.

Диков, Н.Н., Колясников, Ю.А. 1979. Первые внутриконтинентальные стоянки палеолита и неолита на юге Чукотки (рр. Инаськваам и Линлиретваам). *Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока*. Магадан: СВКНИИ: 20—38.

Дикова, Т.М. 1983. *Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов*. М.: Наука.

Кирьяк, М.А. 1993. *Археология Западной Чукотки в связи с юкагирской проблемой*. М.: Наука.

Мочанов, Ю.А. 1977. *Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука.

Орехов, А.А. 2001. Археологические комплексы оз. Красного (Восточная Чукотка). *Диковские чтения:* материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ: 58—64.

Орехов, А.А. 2021. Проблемы неолита Северо-Западного Берингоморья. *Записки ИИМК*. № 24: 160—172.

Орехов, А.А., Панов, С.В. 1986. Новые неолитические памятники на севере Чукотки (Иультинский район). *Краеведческие записки МОКМ*. Вып. 14: 144—150.

Понкратова, И.Ю. 2020. К вопросу о периодизации археологии полуострова Камчатка. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. № 1 (51): 30—48.

Пономаренко, А.К. 2014. Тарьинская культура неолита Камчатки. *Тихоокеанская археология.* Вып. 30: 7—23.

Слободин, С.Б. 2001. *Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла*. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН.

Слободин, С.Б. 2017. Современное состояние археологической изученности бассейна р. Колыма (к 70-летию Колымской экспедиции А.П. Окладникова). *IX Диковские чтения:* материалы науч.-практ. конф. Магадан: СВКНИИ: 30—50.

Федосеева, С.А. 1980. *Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии*. Новосибирск: Наука.

Ackerman, R.E. 1982. The Neolithic-Bronze Age Culture of Asia and the Norton Phase of Alaskan Prehistory. *Arctic Anthropology*. Vol. 19: 11—38.

REFERENCES

Alekseev, A.N. 1996. *Drevnyaya Yakutiya. Neolit i epokha bronzy* [The Ancient of the Yacut. Neolithic and Bronze Epoch]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)

Vasilevskiy, A.A. 2000. K ponyatiyu «neolit» i ego periodizatsii na o-ve Sakhalin [At Neolith and Its Periodization on the Sakhalin Island]. *Vpered... v proshloe: K 70-letiyu Zhanny Vasil'evny Andreevoy* [Forward... to the Past: To the 70th Anniversary of Zhanna Vasilievna Andreeva]. Vladivostok, Dal'nauka Publ.: 150—160. (In Russ.)

Vasilevskiy, A.A. 2008. *Kamennyy vek ostrova Sakhalin* [Stone Age of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskoe kn. izd-vo Publ. (In Russ.)

Gusev, S.V. 2002. Rannegolotsenovaya stoyanka Nayvan v Beringovom prolive [Early Holocene Naivan Site in Bering Strait]. *II Dikovskiye chteniya:* materialy nauch.-prakt. konf. [The 2nd Dikov Readings: Proceedings of the Scientific Conference]. Magadan, SVKNII Publ.: 356—364. (In Russ.)

Dikov, N.N. 1971. *Naskal'nye zagadki drevney Chukotki. Petroglify Pegtymelya* [Riddles in the Stone of Ancient Chukotka. The Petroglyphs of Pegtymel]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Dikov, N.N. 1977. *Arkheologicheskie pamyatniki Kamchatki, Chukotki i Verkhney Kolymy: Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti* [Archaeological Sites of Kamchatka, Chukotka and Upper Kolyma. Asia at the Junction with America in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Dikov, N.N. 1979. *Drevnie kul'tury severo-vostochnoy Azii: Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti* [Ancient Cultures of Northeast Asia. Asia at the Juncture with America in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Dikov, N.N. 1993. *Aziya na styke s Amerikoy v drevnosti* [Asia at the Juncture with America in Antiquity]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)

Dikov, N.N., Kolyasnikov, Yu.A. 1979. Pervye vnutrikontinental'nye stoyanki paleolita i neolita na yuge Chukotki (rr. Inas'kvaam i Linliretvaam) [The First Paleolithic and Neolithic Continental Sites on the South Chukotka (Inas'kvaam and Linliretveem Rivers)]. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Severa Dal'nego Vostoka* [New Archaeological Sites of the Far East]. Magadan, SVKNII Publ.: 20—38. (In Russ.)

Dikova, T.M. 1983. *Arkheologiya yuzhnoy Kamchatki v svyazi s problemoy rasseleniya aynov* [The Archaeology of South Kamchatka in Connection with the Problem Ainu Settlement]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Kir'yak, M.A. 1993. *Arkheologiya Zapadnoy Chukotki v svyazi s yukagirskoy problemoy* [The Archaeology of Western Chukotka in connection with Yukagir Problem]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

Mochanov, Yu.A. 1977. *Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii* [The Ancient Phases Settlement of the Man of the Northeast Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)

Orekhov, A.A. 2001. Arkheologicheskie kompleksy oz. Krasnogo (Vostochnaya Chukotka) [Archaeological Complexes of Red Lake (East Chukotka)]. *Dikovskiye chtenia:* materialy nauch.-prakt. konf. [The Dikov Readings: Proceedings of the Scientific Conference]. Magadan, SVKNII Publ.: 58—64. (In Russ.)

Orekhov, A.A. 2021. Problemy neolita Severo-Zapadnogo Beringomor'ya [The Neolitnic Problems of the North-West Bering Sea]. *Zapiski IIMK*, no. 24: 160—172. (In Russ.)

Orekhov, A.A., Panov, S.V. 1986. Novye neoliticheskie pamyatniki na severe Chukotki (Iul'tinskiy rayon) [New Neolithic Sites in the North of Chukotka (Iultinsky District)]. *Kraevedcheskie zapiski MOKM*, iss. 14: 144—150. (In Russ.)

Ponkratova, I.Yu. 2020. K voprosu o periodizatsii arkheologii poluostrova Kamchatka [On the Issue Pereodization of Archaeological Sites of Kamchatka Peninsula]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1 (51): 30—48. (In Russ.)

Ponomarenko, A.K. 2014. Tar'inskaya kul'tura neolita Kamchatki [Tarya Neolithic Culture of Kamchatka]. *Tikhookeanskaya arkheologiya*, iss. 30: 7—23. (In Russ.)

Slobodin, S.B. 2001. *Verkhnyaya Kolyma i kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla* [Upper Kolyma and Continental Priokhot'e in Neolithic and Early Metal Epoch]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ. (In Russ.)

Slobodin, S.B. 2017. Sovremennoe sostoyanie arkheologicheskoy izuchennosti basseyna r. Kolyma (k 70-letiyu Kolymskoy ekspeditsii A.P. Okladnikova) [The Contemporaneous Condition Archaeological to Studying of Basin Kolyma River (to the 70th Anniversary of the Kolyma Expedition of A.P. Okladnikov)]. *IX Dikovskiye chtenia:* materialy nauch.-prakt. konf. [The 9th Dikov Readings: Proceedings of the Scientific Conference]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ.: 30—50. (In Russ.)

Fedoseeva, S.A. 1980. *Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoy Azii* [The Ymyiakhtakh Culture of Northeastern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. (In Russ.)

Ackerman, R.E. 1982. The Neolithic-Bronze Age Culture of Asia and the Norton Phase of Alaskan Prehistory. *Arctic Anthropology*, vol. 19: 11—38. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 10.01.2022